

И.И. Иванов

**А. Н. Островский, его жизнь
и литературная деятельность**

Биографический очерк

Москва
«Книга по Требованию»

УДК 93
ББК 63.3
И11

И11 **И.И. Иванов**
А. Н. Островский, его жизнь и литературная деятельность: Биографический очерк / И.И. Иванов – М.: Книга по Требованию, 2021. – 102 с.

ISBN 978-5-517-96191-4

С портретом Островского, гравированным в Лейпциге Геданом.

ISBN 978-5-517-96191-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

СОДЕРЖАНІЕ.

	СТР.
Предисловіе	5
I. Происхожденіе Островскаго.—Семейная обстановка въ дѣтствѣ и первой молодости.—Казенная служба.	9
II. Начало литературной дѣятельности	13
III. Друзья и вдохновители Островскаго	18
IV. Міросозерцаніе молодого Островскаго.—Отношенія къ драматургу славянофильской критики	22
V. Первая комедія	26
VI. Офіціальная и литературная судьба первой комедіи Островскаго	30
VII. Матерьяльное положеніе Островскаго.—Бѣдная Невѣста	35
VIII. Появленіе на сценѣ первой комедіи Островскаго.—Отношенія къ нему актеровъ и публики	39
IX. Отношенія театральной дирекціи и цензуры къ произведеніямъ Островскаго	46
X. „Литературная экспедиція“ и участіе въ ней Островскаго.—Вліяніе путешествія на его творчество.	51
XI. Путешествіе Островскаго за-границу.—Намѣреніе порвать съ театромъ	56
XII. Замысль Островскаго—преобразовать русское сценическое искусство и его практическая дѣятельность въ этомъ направленіи.—Личныя отношенія Островскаго къ молодымъ писателямъ, артистамъ и издателямъ	61

XIII. Юбилей литературной дѣятельности Островскаго.— Ея новое направленіе	68
XIV. Вліяніе реформъ шестидесятихъ годовъ на творче- ство Островскаго.—Типы интеллигенціи	74
XV. Литературная дѣятельность Островскаго въ семиде- сятихъ годахъ	78
XVI. Участіе Островскаго въ празднествахъ по случаю открытія памятника Пушкину.—Послѣднія произ- веденія Островскаго	83
XVII. Островскій на театральной службѣ, его болѣзнь и смерть	87
XVIII. Общій взглядъ на литературную дѣятельность Ост- ровскаго	90
XIX. Общественный смыслъ творчества Островскаго . . .	94

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Скудость и неопредѣленность біографическихъ свѣдѣній — обычное явленіе въ русской литературѣ—относительно крупныхъ и мелкихъ писателей. На этотъ счетъ русскіе читатели нерѣдко бываютъ свидѣтелями едва вѣроятныхъ приключеній, постигающихъ отечественную печать. Особенно должны быть памяты случаи по поводу недавней пятидесятилѣтней годовщины смерти Лермонтова. Во множествѣ «юбилейныхъ» воспоминаній и біографическихъ очерковъ безпрестанно встрѣчались недоразумѣнія и ошибки, казалось бы, совершенно невозможныя въ вопросахъ о поэтѣ текущаго столѣтія. Родственникъ и товарищ Лермонтова, предпринимая исправленіе чужихъ ошибокъ, обнаружилъ поразительное невѣдѣніе самыхъ существенныхъ біографическихъ данныхъ, — не зналъ ни мѣста, ни времени рожденія поэта. Другой біографъ съумѣлъ запутать исторически-подлинный рассказъ объ обстоятельствахъ смерти Лермонтова. Даже полвѣка, протекшіе со времени кончины гениальнаго поэта, не могли, слѣдовательно, окончательно устранить своеобразной варварской литературы. И подобные факты возможны въ представленіяхъ русскаго читателя едва-ли не о каждомъ дѣятелѣ русской словесности.

У насъ почти не прививается обычай, столь распространенный на Западѣ. Тамъ въ распоряженіи литературныхъ и общественныхъ историковъ имѣется неисчерпаемый запасъ всевозможныхъ воспоминаній, записокъ, сообщеній, касающихся всѣхъ болѣе или менѣе видныхъ явленій прошлаго. Почитатели и близкіе люди даже второстепенныхъ талантовъ непрѣменно стремятся повѣдать публикѣ исторію своего знакомства съ замѣчательнымъ человекомъ, передать современникамъ и потомству его характеристику, часто мельчайшія подробности его жизни. И сами знаменитости не страдаютъ излишней скромностью. Они весьма охотно разрабатываютъ свои біографіи или въ чисто-художественныхъ произведеніяхъ

нiяхъ, или въ откровенныхъ личныхъ признанiяхъ и разсказахъ. Они кромѣ того весьма часто оставляютъ послѣ себя своего рода эстетическiя завѣщанiя—съ подробнымъ и всестороннимъ выясненiемъ своихъ художественныхъ стремленiй и писательскихъ задачъ. И западная публика располагаетъ громаднымъ запасомъ автобиографiй и повѣстическихъ исповѣдей, составляющихъ наслѣдство гениальныхъ художниковъ и просто талантливыхъ писателей.

Совершенно другое положенiе русской литературы. Какъ ея первостепенные представители относились и въ большинствѣ случаевъ продолжаютъ относиться къ опубликованiю своихъ биографiй и вообще свѣдѣнiй о своихъ личностяхъ,—показываетъ примѣръ Тургенева. Неоднократно втеченіи всей его жизни къ нему обращались запросы на счетъ биографическихъ данныхъ. Каждый такой запросъ не вызывалъ въ немъ прiятныхъ чувствъ,—и онъ заявлялъ: «откровенно говоря, всякая биографическая публикація мнѣ всегда казалась великой претензiей». И Тургеневъ рѣшался давать только самыя общiя, почти исключительно хронологическiя данныя о своей жизни.

Также поступилъ и Писемскiй,—и даже въ биографическомъ отрывкѣ до послѣдней степени сухихъ рамокъ своего повѣствованiя. Отъ большинства другихъ русскихъ писателей не осталось и такихъ скудныхъ матерьяловъ. Не поусердствовали возмѣстить эту скудость и ихъ современники, съ которыми они стояли въ близкихъ отношенiяхъ. И биографу русскаго писателя, какъ бы ни была свѣжа въ памяти живущаго поколѣнiя его личность и дѣятельность, приходится на каждомъ шагѣ мириться съ обширными фактическими пробѣлами и крайней отрывочностью самихъ фактовъ.

Участъ Островскаго въ этомъ отношенiи едва-ли не самая печальная. Со дня его смерти протекло почти тринадцать лѣтъ. Онъ давно признанъ великимъ драматическимъ талантомъ, на ряду съ Гоголемъ и Грибоѣдовымъ. Его рѣшено почтить памятникомъ по всероссiйской подпискѣ. Многiя его произведенiя стали классическими и столь же необходимыми въ воспитанiи и просвѣщенiи русскаго юношества, какъ, напримѣръ, сочиненiя Пушкина. И все это произошло на глазахъ того самого поколѣнiя, которое знало лично Островскаго, переживало развитiе его таланта, сопутствовало росту его славы. И въ результатъ—у блестящаго и современнаго намъ писателя до сихъ поръ нѣтъ биографiи.

Правда, жизнь Островскаго извнѣ прошла въ высшей степени ровно и спокойно. Она не знала никакихъ исключительныхъ происшествiй и потрясенiй, на ней не лежитъ яркихъ драматическихъ

красотъ, въ ней не имѣется какихъ-либо сложныхъ психологическихъ или загадочныхъ романическихъ эпизодовъ. Жизнь драматурга соотвѣтствовала характеру его произведеній—въ высшей степени уравновѣшенному, почти эпическому.

Но вѣшняя одноцвѣтность и равномерность существованія далеко не свидѣтельствуютъ о бессодержательности и мелкотѣ его внутреннего смысла. Совершенно напротивъ. Вся энергія богато одаренной природы ушла именно на обогащеніе и углубленіе этого смысла. Художникъ жилъ повышеннымъ нравственнымъ пульсомъ, чутко воспринималъ вѣшній міръ и отзывался на впечатлѣнія личнымъ художественнымъ творчествомъ.

Именно у писателя-реалиста эти воспріятія должны быть особенно обильны и глубоки. Каждое его произведеніе навѣяно и внушено явленіями дѣйствительности. Каждое лицо, имъ созданное—плодъ непосредственныхъ наблюденій и драматизмъ положеній его героевъ почерпнуть изъ многообразныхъ житейскихъ драмъ, психологически изученныхъ и творчески воспроизведенныхъ художникомъ. Легко представить, какое значеніе, при такихъ условіяхъ, имѣетъ иная даже случайная встрѣча писателя съ фактомъ или съ человѣкомъ, исторія его личныхъ отношеній и даже повседневныхъ впечатлѣній.

Все это какъ нельзя ближе относится къ Островскому. Онъ по самому содержанию своего творчества, русско-бытовому и типично-жизненному, долженъ былъ на каждомъ шагѣ имѣть дѣло съ *подлинниками*, т. е. съ живыми яркими лицами, своей самобытностью одушевлявшими его умъ и талантъ. И мы знаемъ, какими сокровищами психологіи и драмы обязанъ Островскій личнымъ знакомствамъ и встрѣчамъ,—но знаемъ, къ сожалѣнію, крайне недостаточно. Боле или мене подробныя наши свѣдѣнія касаются только ранняго періода дѣятельности Островскаго,—и уже по этимъ свѣдѣніямъ мы можемъ судить о богатствѣ *духовной* жизни писателя, о неразрывной связи его творчества съ окружающимъ міромъ. Эта связь не прекращалась до конца, и именно она сохранила за Островскимъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ новой русской литературѣ. Но у насъ нѣтъ опредѣленныхъ данныхъ—прослѣдить ее исторически и всесторонне оцѣнить ея вліяніе на нравственный міръ художника. Мы не знаемъ фактовъ, вызвавшихъ у него тотъ или другой творческій процессъ, и не можемъ установить, съ какою полнотою и проникательностью онъ воспользовался уроками дѣйствительности. Ясно, недостатокъ въ нашихъ свѣдѣніяхъ *долженъ отражаться и на нашей оцѣнѣ самаго таланта драматурга. Крас-*

тика можетъ быть вполне удовлетворительной и опредѣленной только при тщательно разработанной *биографіи*.

Время, несомнѣнно, пополнить много пробѣловъ въ биографіи Островскаго. Именно послѣдніе годы даютъ намъ право питать эту надежду. Съ 1897 года въ печати стали появляться въ высшей степени цѣнныя сообщенія лицъ, близко стоявшихъ къ покойному писателю. Воспоминанія Т. И. Филиппова и С. В. Максимова яркимъ свѣтомъ освѣтили начало литературной работы Островскаго и представили правдивую и жизненную картину обстановки и сцены, гдѣ предстояло расти и совершенствоваться этой работѣ, нарисовали рядъ личностей, глубоко повлиявшихъ на молодого писателя. Въ настоящее время мы знаемъ первые литературные шаги Островскаго несравненно полнѣе, чѣмъ они были извѣстны его биографу А. Е. Носу. Мы теперь опредѣленно можемъ судить о *средахъ и обстоятельствахъ*, воспитывавшихъ ранніе задатки художественнаго дарованія, и въ состояніи дать исторически-точный отвѣтъ на первый и важнѣйшій вопросъ въ критикѣ произведеній Островскаго: почему нашъ драматургъ *началъ необыкновенно*, по выраженію Тургенева, т. е. въ первой же *нвоеѣ* обнаружилъ небывалое до него знаніе московскаго купеческаго и народнаго быта, идеальное умѣнье владѣть своеобразнымъ русскимъ *языкомъ* и воспроизводить съ одинаковымъ художественнымъ совершенствомъ крупныя и мелкія черты русской природы?

Драматургъ, очевидно, прошелъ извѣстный путь воспитанія, внушительную житейскую школу, — и намъ его друзья рассказали, какую именно.

Если бъ и вся дальнѣйшая дѣятельность Островскаго стала предметомъ такихъ же рассказовъ, его биографъ не имѣлъ бы основаній жаловаться на трудность и черновой, пробный характеръ своей работы. Теперь ему предстоитъ возстановлять цѣльную исторію жизни на основаніи отрывочныхъ замѣтокъ, вродѣ воспоминаній артистовъ Бурдина, Горбунова и Нильскаго, рассказовъ личнаго секретаря Островскаго—Бропачева—живыхъ и правдивыхъ, но касающихся только послѣднихъ лѣтъ его жизни и кромѣ того совершенно оставляющихъ въ сторонѣ Островскаго-писателя, наконецъ—собственныя письма драматурга. Довольно многочисленны письма къ Бурдину и къ г-жѣ Мысовской, но они даютъ очень мало матерьяла для биографіи автора и вообще не отличаются содержательностью и обиліемъ личныхъ изліяній и признаній, столь всегда краснорѣчивыхъ для характеристика писателя и *человѣка*. Важнѣйшимъ общимъ биографическимъ источникомъ

остается, конечно, замѣтка самого Островскаго въ альбомѣ Семейскаго «*Мои знакомые*» — замѣтка въ высшей степени немногословная, напоминающая краткіе послужные списки, какіе давали Тургеневъ и Писемскій своимъ біографамъ.

Такимъ матеріаломъ располагаемъ мы для біографіи Островскаго. Очевидно, его біографія — въ ея совершенной формѣ — вопросъ будущаго. Въ настоящее время мы въ состояніи освѣтить болѣе или менѣе яркимъ свѣтомъ только нѣкоторые моменты въ творческой жизни нашего писателя и, насколько возможно при осмотрительномъ и исчерпывающемъ пользованіи немногочисленными документами, представить болѣе или менѣе послѣдовательный ходъ творческой дѣятельности художника и нарисовать по возможности подлинными чертами личность человѣка.

Мы будемъ считать нашу задачу выполненной, если отъ насъ не ускользнетъ ни одно цѣнное историческое указаніе и если намъ удастся каждому изъ этихъ указаній отвести надлежащее мѣсто и въ результатъ получить цѣльное, хотя бы и весьма общее, представленіе о человѣческой и авторской природѣ одного изъ знаменитѣйшихъ русскихъ писателей.

I.

Прежде Островскаго принадлежали къ духовному сословію и были костромичи. Писатель не забывалъ о своемъ мѣстномъ происхожденіи и при случаѣ любилъ припомнить нравственныя черты, отличающія его земляковъ. Работая надъ драматической хроникой *Косьма Захарычъ Мининъ* и разбирая историческіе акты, Островскій обратилъ вниманіе на *рязанскій* характеръ Прокопія Ляпунова и такъ сравнилъ этого героя съ другимъ — костромскимъ — Иваномъ Сусанинымъ:

— Эти рязанцы по природѣ уже таковы, что какъ нѣмцы безъ штуки и съ лавки не свадятся. Вѣдь, вотъ нашъ костромичъ, Сусанинъ, не шумѣлъ: выбралъ время къ ночи, завелъ враговъ въ самую лѣсную глушь, тамъ и погибъ съ ними безъ вѣсти, да такъ, что до сихъ поръ историки не кончили еще спора о томъ, существовалъ ли еще онъ въ самомъ-то дѣлѣ на бѣломъ свѣтѣ. А Прокопію Ляпунову понадобилась веревка на шею, чтобы растрогать: и вовсе въ этой штуцѣ не было нужды. Актерская жила у всѣхъ *рязанцевъ* врожденная....

Первый изъ родичей Островскаго переѣхалъ въ Москву съ

дѣдъ. Онъ овдовѣлъ въ санѣ протоіерея одной изъ костромскихъ церквей, постригся въ Московскомъ Донскомъ монастырѣ и умеръ въ преклонныхъ лѣтахъ, напутствуемый высокимъ уваженіемъ монастырской братіи. Старшій изъ его шестерыхъ дѣтей—Николай Ѳеодоровичъ былъ отцомъ знаменитаго писателя. Онъ измѣнилъ семейнымъ преданіямъ и, по окончаніи курса сначала въ духовной костромской семинаріи, потомъ въ московской духовной академіи, поступилъ на гражданскую службу, въ канцелярію общаго собранія московскихъ департаментовъ Сената. Двадцати четырехъ лѣтъ, въ 1820 году, онъ женился на дочери просвири и 31 марта 1823 года у молодыхъ супруговъ родился третій сынъ, названный Александромъ. Ему шель всего девятый годъ,—мать его скончалась и на рукахъ отца осталась многочисленная семья—изъ шести человѣкъ малолѣтнихъ дѣтей.

Воспитаніемъ ихъ раньше занималась исключительно мать: отецъ былъ поглощенъ службой и труднымъ добываніемъ средствъ. По смерти жены онъ воспитаніе дѣтей поручилъ студенту Введенской семинаріи—и этотъ учитель подготовилъ Александра Николаевича къ поступленію въ гимназію. Въ прошеніи о принятіи сына въ число учениковъ московской губернской (нынѣ первой) гимназіи отецъ заявлялъ, что его двѣнадцатилѣтній сынъ—«по россійски писать и читать умѣетъ и первыя четыре правила ариметики знаетъ». Поступленіе состоялось въ сентябрѣ 1835 года,—и пять лѣтъ спустя Островскій получилъ аттестатъ съ правомъ поступить въ университетъ безъ предварительнаго испытанія. Александръ Николаевичъ подалъ прошеніе о зачисленіи его въ студенты юридическаго факультета.

Въ это время отецъ его былъ женатъ вторично, заслужилъ дворянское достоинство, выхлопоталъ внесеніе своей семьи въ дворянскую родословную книгу Московской губерніи и въ годъ поступленія сына въ университетъ оставилъ государственную службу и сталъ заниматься ходатайствами по гражданскимъ дѣламъ. Вѣроятно, это обстоятельство повліяло и на выборъ сына—именно юридическаго факультета. Ни въ гимназіи, ни въ университетѣ Островскій не обнаружилъ выдающихся способностей къ наукѣ, въ гимназіи курсъ окончилъ девятымъ изъ двѣнадцати, въ университетѣ на первомъ курсѣ оказалъ успѣхи не выше хорошихъ, и уже на второмъ окончилось ученое поприще будущаго драматурга. Островскій оставилъ университетъ, не подвергаясь переходному испытанію—документально «ради службы», въ дѣйствительности—вслѣдствіе недоразумѣнія съ однимъ изъ профессоровъ. Ему пред-

стояло теперь проходить обширную школу жизни, несравненно богѣе отвѣтственную и благодарную для его прирожденныхъ наклонностей. Школа открылась немедленно за порогомъ университета, — въ сущности послѣдовало только продолженіе житейской науки. Островскій еще раньше успѣлъ познакомиться съ ней. Отцовская чиновничья служба и впоследствии адвокатская практика вводили сына въ крайне пестрый и своеобразный кругъ московскихъ нравовъ. Дореформенный строй жизни проходилъ предъ наблюдательнымъ взоромъ юноши — во всемъ богатствѣ и яркости своихъ героевъ и фактовъ. И несомнѣнно, — въ его воображеніи съ теченіемъ времени постоянно складывались фигуры и эпизоды, какими ему предстояло воспользоваться для своихъ раннихъ произведеній.

Въ сентябрѣ 1843 года Островскій зачисленъ канцелярскимъ служителемъ въ Московскій совѣстный судъ. Учрежденный при Ека- теринѣ II, этотъ судъ вѣдалъ гражданскія дѣла, по которымъ тяжущіеся могли согласиться разрѣшить свой споръ мировымъ соглашеніемъ по совѣсти. Уголовныя дѣла, подлежащія совѣстному суду, возникали по жалобамъ родителей на дѣтей, касались преступленій, совершенныхъ малолѣтними и глухонѣмыми или вызванныхъ особенно неблагоприятными обстоятельствами. Наконецъ, вообще всѣ гражданскіе споры между родителями и дѣтьми обязательно разбирались въ совѣстномъ судѣ. Легко представить, сколько свѣдѣній даже въ короткое время могъ приобрести будущій драматургъ о семейныхъ и общественныхъ условіяхъ народнаго и купеческаго быта. Въ особенности старая русская семья должна была открыть Островскому множество затаенныхъ уголковъ своей жизни, съ трудомъ доступныхъ наблюденію посторонняго человѣка. Читая жалобы сторонъ, выслушивая «совѣстныя» показанія обвиняемыхъ и обвинителей, молодой чиновникъ какъ нельзя болѣе входилъ въ само- бытный сокровенный міръ простыхъ людей, прислушивался къ ихъ рѣчи, вдумывался въ ихъ нравственныя воззрѣнія, запоминалъ рѣзкія оригинальныя черты отдѣльныхъ личностей, выработанныя жестокимъ семейнымъ и общественнымъ строемъ дореформенной Руси.

Больше двухъ лѣтъ продолжалась служба Островскаго въ совѣстномъ судѣ, — въ концѣ 1845 года онъ поступаетъ въ канцелярію Московскаго коммерческаго суда, по первому отдѣленію въ «словесный столъ». Жалованье полагалось по усмотрѣнію начальства, и начальство соблагоуражало назначить его Островскому въ размѣрѣ 4 рублей въ мѣсяцъ, — меньше, чѣмъ полагалось по табели — 5 рублей 62¹/₂ коп. При такомъ вознагражденіи Островскій, разу-

мѣется, продолжая оставаться въ полной матеріальной зависимости отъ отца. Единственное цѣнное приобрѣтеніе, какое онъ могъ извлечь изъ своей службы, было все то же изученіе московскаго мѣщанскаго и купеческаго быта. Засѣдая въ «словесномъ столѣ», Островскій долженъ былъ знакомиться съ дѣлами о торговой несостоятельности, вникать во всевозможные хитроумные способы банкротства, до тонкости изучать купеческіе обходы законовъ, уловки съ кредиторами. Все это вскорѣ оказало ему великую услугу, снабдивъ неисчерпаемымъ запасомъ фактовъ и типовъ для художественнаго творчества. Отцовская адвокатская практика также оказала будущему писателю не малую пользу. Практика эта развивалась преимущественно среди московскаго купечества и шла съ большимъ успѣхомъ. Островскій-отецъ успѣлъ приобрѣсти домъ, содержалъ семью и давалъ средства старшему сыну.

Самая мѣстность, гдѣ протекло дѣтство и первая молодость Островскаго, вполне соответствовала его житейскимъ опытамъ и наблюденіямъ. Сначала семья жила въ замоскворѣчѣ, потомъ въ столь же захолустной и самобытной части города — у Ниволы въ Воробинѣ. Обывателей здѣсь окружала въ полномъ смыслѣ старозавѣтная Москва, почти не тронутая вѣяніями европейскихъ порядковъ. Пустынные улицы, патриархальная жизнь въ домикахъ-особнякахъ, безъ всякаго замысловатаго комфорта, безъ звонковъ и швейцаровъ. Охрана обывательскаго имущества поручалась будочникамъ, совершенно идилически смотрѣвшимъ на свои обязанности, и сами обыватели прекрасно сживались съ своими первобытными стражами, не предъявляя непосильныхъ запросовъ ихъ бдительности и усердію.

Домъ Островскаго стоялъ среди пустыря по сосѣдству съ знаменитыми въ старину серебряными торговыми банями. Мѣстность была до такой степени уединенна, а нравы — просты и откровенны, что изъ оконъ жилища Островскаго можно было видѣть самыя смѣлыя бытовые картины: изъ бани высказывали люди, только что запарившіеся до одурѣнія, и принимались валяться въ снѣгу. Противъ дома находилась полицейская будка съ беззубымъ полицейскимъ стражемъ, обладателемъ неуклюжей допотопной алебарды, большимъ пріятелемъ окрестныхъ обывателей и великимъ любителемъ веселой компаніи и крѣпкаго безмятежнаго сна.

Все это безвозвратно отошло въ исторію Москвы, и нашъ писатель засталъ всѣ эти прелести вѣковой старины уже на закатѣ. *Новая жизнь надвигалась и на московскія захолустья, въ ближайшемъ будущемъ она грозила смести съ лица земли ископаемыхъ ярига-*